

ВЛАДИМИР СОРОКИН

Н О Р М А

Владимир Сорокин

Норма

Издательство аст

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Сорокин, Владимир Георгиевич.

С65 Норма: роман / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2025. — 544 с.

ISBN 978-5-17-120766-3

Золотые руки переплавлены, сердце, подаренное девушке, пульсирует в стеклянной банке, по улице шатается одинокая гармонь. Первый роман Владимира Сорокина стал озорным танцем на костях соцреализма: писатель овеществил прежние метафоры и добавил к ним новую — *норму*. С *нормальной* точки зрения только преступник или безумец может отказаться от этого пропуска в мир добропорядочных граждан — символа круговой поруки и соучастия в мерзости.

“Норма” была написана в разгар застоя и издана уже после распада СССР. Сегодня, на фоне попыток возродить советский миф, роман приобрел новое звучание — как и вечные вопросы об отношениях художника и толпы, морали и целесообразности, о путях сопротивления государственному насилию и пропаганде.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120766-3

© Владимир Сорокин, 1994
© А. Бондаренко, оформление, 2020
© ООО “Издательство АСТ”, 2020
Издательство CORPUS ®

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	17
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	147
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	205
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	323
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	339
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	415
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	445
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ	509

Бориса Гусева арестовали 15 марта 1983 года в 11.12, когда он вышел из своей квартиры и спустился вниз за газетой. Возле почтовых ящиков его ждали двое. Увидя их, Борис остановился. Справа от лифта к нему двинулись еще двое. Один из них, худощавый, с подвижным лицом, приблизился к Гусеву и быстро проговорил:

— Гусев Борис Владимирович. Вы арестованы.

Гусев посмотрел на его шарф. Он был серый, в белую клетку. Худощавый вынул из руки Гусева ключи, кивнул в сторону лестницы:

— Прошу.

Гусев стоял неподвижно. Двое взяли его под руки.

— Ордер... — разлепил побелевшие губы Гусев.

— Ордера на арест и на обыск будут предъявлены вам в вашей квартире.

— Предъявите сейчас, — с трудом проговорил Гусев.

— Борис Владимирович, — улыбнулся худощавый, — пойдете, не тяните время.

Гусева подтолкнули к лестнице. Он пошел, еле передвигая ноги.

Двое прошли вперед, двое и худощавый двинулись за Гусевым.

— У вас всегда так мочой воняет? — спросил худощавый. — Бомжи ночуют?

Гусев двигался, не отвечая. Он был бледен.

Поднялись на третий этаж, вошли в квартиру Гусева. Худощавый снял трубку телефона, набрал номер:

— Юрий Петрович, все в порядке. Да.

Гусев стоял посередине своей единственной комнаты, сплошь заваленной книгами. Четверо стояли рядом.

— Присаживайтесь, Борис Владимирович, — посоветовал худощавый.

— Предъявите ордер... и вообще... документы.

— Минуту терпения. — Худощавый закурил.

В дверь позвонили.

— Откройте, — приказал худощавый.

Дверь открыли. Вошли участковый и полноватый человек с пшеничными усами.

— Следователь КГБ Николаев, — представился он, не глядя на Гусева. Достал из папки два листа, протянул Гусеву: — Ознакомьтесь.

— Садитесь, Гусев. — Худощавый подвинул расшатанный стул.

Гусев смотрел в бумаги, держа их в обеих руках.

— Товарищ лейтенант, — обратился полноватый к участковому, — организуйте нам понятых.

Участковый вышел.

— Ознакомились? — Николаев забрал бумаги у Гусева. — Дело ваше веду я. Сейчас придут понятые, мы произведем у вас обыск. Параллельно начнем наш разговор. Садитесь, Борис Владимирович, что вы стоите, как в гостях.

Гусев опустился на стул.

Вскоре появились понятые: пожилая женщина в зеленой кофте и молодой человек с толстой шеей.

— Товарищи понятые, — Николаев снял пальто, — мы — сотрудники Комитета государственной безопасности. Гражданин Гусев, проживающий в этой квартире, арестован. Мы просим вас присутствовать во время обыска. Представьтесь, пожалуйста, и присаживайтесь. Валера, организуй им место.

Худощавый сбросил лежащие на диване книги и журналы на пол.

— Комкова Наталья Николаевна, — громко произнесла женщина.

— Фридман Николай Ильич, — пробормотал молодой человек.

Они сели на протертый диван. Худощавый опустился рядом, достал из “дипломата” бланк, подложил под него подвернувшийся журнал “Америка”, положил на “дипломат” и стал писать.

— Я свободен? — спросил участковый.

— Да. Спасибо. — Николаев сел за стол, раскрыл папку, вынул ручку с золотым пером.

Участковый вышел. Пока худощавый вполголоса опрашивал понятых, Николаев зашелестел бумагами:

— Так. Гусев Борис Владимирович. 1951 года рождения. Где вы родились?

— Я не буду отвечать на ваши вопросы, — проговорил Гусев.

— Вы обязаны отвечать на мои вопросы. Это во-первых. А во-вторых, это в ваших интересах.

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы.

Николаев отложил ручку.

— Напакостил, а отвечать не хочет, — проговорила вполголоса женщина и посмотрела на художавого. Он записывал ее адрес.

— Я предлагаю вам добровольно предъявить антисоветскую литературу.

Гусев молчал, глядя на свои руки. Николаев подождал, трогая фигурку тираннозавра на столе Гусева, потом встал, подошел к кровати, приподнял матрац, вынул толстую картонную папку:

— Ваше?

Гусев молчал. Николаев положил папку на стол, развязал тесемки, открыл:

— Запиши, Валерий Петрович. Первым номером. Папка серого картона. Содержит... 372 машинописных листа. Название "Норма". Автор не указан. Первое предложение: "Свеклушин выбрался из переполненного автобуса, поправил шарф и быстро зашагал по тротуару". Последнее предложение: "— Лога мира? — переспросил Горностаев и легонько шлепнул ладонью по столу. — А когда?"

— Как... товарищ майор? — переспросил художавый.

Николаев повторил.

— Номер два. — Николаев подошел к нижним полкам, вынул два тома энциклопедического словаря, бросил на пол, сунул руку в образовавшуюся брешь, достал книгу в мягком переплете: Александр Солженицын. “Архипелаг ГУЛАГ”. Том третий. Издание “ИМКА-Пресс”. А первые два вы отдали позавчера Файнштейну. Так?

Гусев молчал. Николаев положил книгу рядом с папкой. Зазвонил телефон. Николаев снял трубку:

— Да. Да, Василий Алексеич. Нашли. Почему? Нет, все так и было. Сейчас? — Он засмеялся. — Не терпится? А... понятно. Пожалуйста, нет проблем. Ты у себя? Организуем.

Он положил трубку, взял папку:

— Сережа, отвезешь это Носкову. Потом сразу сюда.

Оперативник в очках взял папку, вышел из квартиры, спустился по лестнице. Рядом с подъездом стояли две черные “Волги”. В кабине одной сидел шофер. Оперативник сел за руль второй машины, положил папку на сиденье справа, завел мотор и, резко развернувшись, вырулил на Ленинский проспект. Асфальт был мокрый; грязный, рыхлый снег лежал по краям дороги. Неяркое солнце вышло из-за туч, заблестело на очках оперативника. Он проехал через центр, развернулся на площади Дзержинского, обогнул здание КГБ и остановился. Взял папку, вышел из машины, вошел в ближайший подъезд. Предъявив удостоверение, поднялся на лифте на четвертый этаж, прошел по коридору, открыл дверь кабинета № 415. За письменным столом сидел лысоватый человек в синем костюме.

— Разрешите, товарищ полковник?

— Ага. — Сидящий протянул руку. Оперативник вошел, передал папку.

— Как там? — спросил лысоватый, развязывая тесемки папки.

— Все нормально.

— Истерик не закатывал?

— Нет пока, — ухмыльнулся оперативник.

Полковник стал листать рукопись:

— Ладно. Идите.

Оперативник вышел. Сидящий снял трубку, набрал номер:

— Виктор Иванович, это Носков. Папка у меня... Хорошо.

Он положил трубку, взял папку, вышел из кабинета, на лифте поднялся на шестой этаж, вошел в приемную. Там сидели две секретарши.

— Носков, — сказал лысоватый.

Секретарша сняла трубку:

— Виктор Иванович, Носков. Проходите, — кивнула она Носкову.

Он вошел в кабинет. За столом сидел седой человек в сером костюме с моложавым лицом. Носков подошел, протянул папку.

— Все здесь? — спросил седой, принимая.

— Все, Виктор Иванович.

— Есть.

Носков вышел. Седой набрал номер на панели селектора.

— Слушаю, — ответил женский голос.

— Котельников. Петр Сергееч на месте?

— Минуту.

— Елагин слушает, — ответил мужской голос.

— Здравствуйте, Петр Сергееч. Котельников говорит.

— Приветствую, Виктор.

— Рукопись у нас.

— Отлично.

— Я отдам на ксерокс, и через полчаса можете присылать курьера.

— Виктор, ему нужен оригинал.

— Это невозможно. Рукопись изъята на обыске, занесена в протокол. Выносить из здания нельзя.

— Ну... а как тогда?

— Пусть приезжает к нам.

— Ты думаешь?

— А какая разница?

— Ну... можно попробовать. Тогда вот что: я пошлю за ним своего шофера, он его вам доставит.

— Когда?

— Да прямо сейчас. Тут ехать-то пять минут.

— Хорошо. Мы на вахте встретим.

Он дал отбой и набрал другой номер.

— Мыльников, — ответил мужской голос.

— Ну все.

— Приедет?

— Да. Встречать его через десять минут.

— Понял.

Котельников дал отбой.

Минут через двадцать в его кабинет вошел мальчик лет тринадцати в синей школьной форме.

— Так быстро! — засмеялся Котельников, вставая.

Мальчик остановился посередине кабинета и посмотрел на Котельникова.

— Виктор Иванович, — протянул ему руку Котельников.

Мальчик молча смотрел ему в глаза.

— Значит... — кашлянул Котельников, отводя глаза и убирая руки за спину. — Вот. Садись за мой стол. Читай. А я... пойду пообедаю.

Он вышел.

Мальчик сел за стол, развязал тесемки папки, открыл:

HOPMA